

Глава 390: Песнь кончается, клинок появляется

Все люди на улицах города Сюньян были шокированы ударом Су Ли. Даже безумный Сяо Чжан был вынужден выразить свое восхищение.

Чэнь Чаншэн не считал подобным образом. Наоборот, ему было несколько грустно.

В глазах всех других рука Су Ли держала Желтый Бумажный Зонтик, а затем одним ударом, который полетел через дождь, легко и тихо убила эксперта Конденсации Звезд. Это действительно был уровень культивации на пути меча, который мог шокировать целый мир.

Но когда он прибыл из Сада Чжоу в заснеженные равнины, он однажды увидел истинный удар Су Ли.

Су Ли в то время аналогично держал Желтый Бумажный Зонтик, не вынув рукоять полностью. Намерение меча полетело через камень, пролетев десятки ли. Генерал Демонов на краю заснеженных равнин рухнул от одного удара, черная тень его громадной фигуры была внезапно разрезана на две части.

В сравнении с тем Генералом Демонов, чего стоила такая крыса, как Линь Цанхай?

В сравнении с ударом в то время, чего стоил этот удар, пролетевший через промоченный дождем город Сюньян?

Пока они путешествовали на юг в течение последних нескольких недель, Су Ли наконец-то смог сохранить достаточно энергии для одного удара. Он был слабее даже одной десятой его силы на его пике, и все же сокрушал небеса своей мощью. Если бы он смог вернуться на пик своих сил, нет, даже если бы он был просто менее раненым, кто бы смог убить его? Кто бы даже посмел прийти и убить его?

Жаль, что мир людей обладал лишь холодными, жесткими фактами. Никогда не было никаких 'если'.

После этого удара все действительно пришло к концу.

«Никто не пришел?»

Су Ли смотрел на город Сюньян сквозь дождь, изучая всех гостей, пришедших посетить это пиршество. Он молчал в течение очень долгого времени, а затем покачал головой. Он спокойно сказал: «Похоже, что уже никто не придет».

Он задал вопрос, а затем сам на него ответил. С этим одним вопросом и одним ответом возникло неопишуемое чувство раздражения, чувство кого-то, кто пережил много изменений мира.

Его лицо все еще было безразличным, как обычно. Он сказал Чэнь Чаншэну: «Вот видишь, факты наконец-то доказали, что я был прав».

Чэнь Чаншэн хранил молчание, думая про себя о том, в чем был смысл продолжать спорить об этом.

Лицо Су Ли внезапно стало более серьезным, а его тон - очень тяжелым: «Кроме идиота - или возможно, лучше будет сказать 'слабоумного' - как ты, кто пойдет наугад помогать другим

людям? Где в мире можно найти таких людей, настолько заслуживающих доверия?»

Даже в это время Секта Меча Горы Ли все еще не отправила никого, даже одного сообщения. Секты и монастыри Секты Долголетия и Пика Святой Девы тоже ничего не сказали. Верно, Южный Рай был очень далеко, но слова и отношение должны были достичь города Сюньян вовремя и явить себя перед обычными людьми. Как ни грустно это было, но эти слова и отношение не появились.

Или возможно это представляло отношение всего мира людей к Су Ли.

То, что мир не был разделен на север и юг; что люди не были разделены на благочестивых и глупых; все они хотели видеть его мертвым.

Глядя на молчаливую фигуру Су Ли в дожде, Чэнь Чаншэн внезапно почувствовал себя очень грустным. Его нос был несколько кислым, его глаза жгло, а его голос был немного напряженным: «Может... может быть, что-то произошло в Горе Ли».

Для тех людей, называемых легендами, когда занавес наконец-то падал, они часто были в одиночестве. Но Чэнь Чаншэн не мог выдержать вида этого занавеса. Будь это сказки или анналы Ортодоксии, он никогда не любил читать слова о распаде пиршества. Он не хотел видеть, как Су Ли покидает этот мир в такой жалкой манере.

Су Ли улыбнулся ему: «Идиот, это должно утешить меня?»

Промоченный дождем город Сюньян был тихим и промозглым, и казалось, что становился холоднее. Издалека вдруг раздался звук цитры. Никто не знал, кто играл на цитре. Возможно, это были домашние музыканты Дома Лян, или, возможно, это был закадычный друг Ляна Хунчжуана. Цитра плакала, а голос был охрипшим. Можно было слабо расслышать что-то подобное на 'старую душу' и 'старый город', но это было неразборчиво.

Услышав эту песню, Лян Хунчжуан затих. Его порванное танцевальное платье вздымалось среди ветра и дождя. Он взмахнул рукавами за спину и ушел.

Уводя своего Циляня Красного Облака, Сюэ Хэ молча поклонился второму этажу таверны, а затем развернулся, чтобы уйти.

Звук цитры постепенно становился тише, а голос певца медленно исчезал, а потом...

«Ееа!»

Сяо Чжан взревел!

Белая бумага, прикрывающая его лицо, засвистела!

Металлическое копьё пронзило прямо в направлении Су Ли!

Лян Вансунь сжал Ваджрский Пестик в руке, его шаги были тяжелыми, как лотос, а его дух был совершенным, как нефрит. Его ци окружило всю таверну.

После внезапного порыва ветра Чэнь Чаншэн был перевернут и нашел трудным попытки встать.

Эта песня вот-вот закончится.

Это будет время смерти Су Ли.

И все же был кто-то, кто не желал дать этой песне закончиться.

Это не был Лян Хунчжуан в своем порванном платье, который развернулся, чтобы уйти.

Это не был Божественный Генерал Сюэ Хэ в своей поврежденной старой броне, уводящий Циляня.

Это не были музыканты Дома Лян, которые хотели продолжать играть, и не был закадычный друг, который хотел, чтобы песня достигла краев мира.

Эта цитра, этот голос, уже затихли. Но в таверне, или более точно, на первом этаже таверны раздался хрустящий треск. Это было похоже на звук ударов дерева или бамбуковой цитры. Вкратце, это продолжило песню этой цитры. Этот хрустящий треск звучал в изобилии, выбивая быстрый ритм, как будто давая новую жизнь этой песне.

На обоих концах длинной улицы Лян Хунчжуан и Сюэ Хэ одновременно остановили свои шаги. Они стремительно повернули свои тела к таверне, их лица были бледными от шока.

Хрусь!

Хрусьхрусь!

Хрусьхрусьхрусь!

Что за объект создавал этот шум?

Стойка на первом этаже таверны была очень старой, с нее слезла краска. На ней были счеты.

Шарики счетов в данный момент ударялись друг об друга.

Но человек, который двигал этими шариками для расчетов, уже не был здесь.

В руинах таверны с острым хрустом появились десятки белых и вихревых потоков ветра.

Видя эти потоки вихревого ветра, лицо Ляна Вансуня стало серьезным. Его роба принца взлетела вверх, а его глаза засияли, как звезды. Выражение лица Сяо Чжана внезапно стало несравненно шокированным, а затем превратилось в жестокость.

Со звуком разрыва доски пола между первым и вторым этажами были разорваны, как хрупкий лист бумаги. Клинок разрезал доски, пролетая через эти десятки воздушных масс. С ужасающим скрипом он атаковал Сяо Чжана!

Сяо Чжан появился в высокомерной манере, но его клинок был еще более высокомерным, чем он сам. У его клинка не было намерения заблокировать это копьё, он был направлен на человека за копьём. Это очевидно говорило Сяо Чжану: 'Мой клинок определенно более быстрый, тяжелый и жестокий, чем твое копьё. Прежде, чем твое копьё сможет убить Су Ли, мой клинок определенно отрезет твою голову!'

Видя металлический клинок, который атаковал его в лобовом столкновении, Сяо Чжан был шокирован, а затем вспылал яростью.

Он знал этот клинок. Он знал, что этот клинок был лично выкован Старым Главой Вэньшуй

Тангом, а затем был отдан в дар без оплаты. Он также знал, что несмотря на то, что этот клинок выглядел обычным, он обладал мощью, которой даже не могли воспротивиться духи и призраки.

Клинок плакал подобно плачу обнищавшего ученого, подобно плачу ребенка в руинах своего дома.

Этот клинок был очень злым.

Сяо Чжан обменялся бесчисленными ударами с этим клинком. После того, как Сюнь Мэй вошел в Мавзолей Книг, человеком, который сражался с этим металлическим клинком больше всего раз, был именно он. Конечно же, он также проиграл ему множество раз. Но он никогда не видел настолько ужасающий клинок.

Казалось, что дыра была вырезана в темных небесах над городом Сюньян, и даже можно было разглядеть голубое небо.

Сяо Чжан знал, что он определенно не может отступить, иначе он определенно проиграет этому клинку. Этот злобный клинок даже мог разрезать его сердце Дао и боевое намерение на части, превратив его в калеку на остаток жизни. Его две руки крепко сжимали его копье, а затем горизонтально взмахнули к клинку.

Бум!

Белая бумага подлетела в воздух. Кровь забрызгала бумагу.

Сяо Чжан полетел назад, сплевывая кровь. Он тяжело упал во двор за таверной.

Из облаков пыль и расколотых камней раздался яростный рев:

«Ван По, ты правда взял и напал исподтишка?!»

<http://tl.rulate.ru/book/1222/101765>